

ГЛАВА I

Ее ожидание не было утомительным. Оно было спокойным, блаженным, не обремененным скачками секундной стрелки часов. Ей было все равно, сколько прошло времени и сколько еще оставалось. Неважно было даже то, что ждать, возможно, придется до вечера. Все равно! Все равно уже сегодня она поедет к морю с мужем, которого очень уважала, любила и вообще боготворила, совсем позабыв, что творить себе кумира — богопротивное занятие. Вернее, не позабыла, а просто не ломала голову над тем, нарушает она заповеди или нет. Это только ее личное, и поделаться с этим она ничего не могла.

— Настораживает тот факт, что жертвами мошенников становятся вполне нормальные люди! — уверял с экрана какой-то безликий тип, без конца теребивший шариковую ручку. Хотя это вполне могло быть у него и нервным. Мало ли, переволновался человек, не каждый же день тебя снимают камеры. И от конфузливости незнания, куда в момент съемки девать незанятые руки, щелкает затвором авторучки. — Граждане, прошу вас быть бдительными! — призывал через слово все он же. — Изопренность мошенников не знает пределов. С каждым годом они все более

изобретательны! Преступники не гнушаются ничем. Играют на слабых местах своих жертв...

Она невольно прислушалась, тут же задавшись вопросом: а какое у нее слабое место, интересно? Чем ее можно поддеть и заставить поверить в откровенное вранье и «разводиловое», как любят говорить ее подопечные? В чем ее уязвимость?

— Когда человека охватила паника, он очень редко способен включить свой здравый смысл, — продолжал предостерегать хмурый, безликий мужчина с очень суровым видом.

Поверить в то, что он в самом деле сочувствует обманутым людям, ставшим жертвами матерых мошенников, было очень сложно. Не было в нем сочувствия, скорее усталость. Да, да, именно усталым раздражением несло от каждого его слова. Так и читался скрытый подтекст его выступления: ну до какой же поры вы будете такими тупыми, граждане, когда наконец вы позволите нам, несчастным, отдохнуть, сколько можно выручать вас из всякого рода неприятностей...

Вот что было написано на лице майора Невзорова — так представил его ведущий в самом начале передачи, именно это удалось ей рассмотреть одним глазом. Второй лениво дремал, вжатый в подушку.

Майор и правда, наверное, устал, подумала она с невольной жалостью, которая возникла скорее от спокойного ее безмятежного ожидания, а не от искреннего сочувствия.

Устал, измотался, недосыпает, ест урывками, все больше на ходу и всухомятку. Еще он много курит, порой выпивает с коллегами, ежедневно накачивается дрянным кофе. К тому же наверняка обладает скверным характером.

А какой еще может быть характер у человека с та-

ким неулыбчивым тяжелым взглядом, едва проби- вающимся из-под набрякших век? Конечно, сквер- ный. Он, этот Невзоров, вечно думает, размышляет, связывает расползающиеся концы с концами в рас- следованиях, оттого у него и лоб весь в морщинах, и цвет лица серый, и рот скупю поджат. Его ведь и ноча- ми наверняка с постели поднимают, и из-за празд- ничного стола выдергивают, и он не может себе «сто- пудово» — так тоже любят говорить ее подопечные — позволить такое вот ничегонеделанье. Он сочтет это преступным и безответственным. Нельзя терять время на то, чтобы просто лежать, ни о чем не думать, ничего не делать. А паузу ожидания можно заполнить чем-то полезным. К примеру, пол лишней раз подмести.

— Брюзга, — обозвала она едва слышно Невзорова и даже показала ему язык, будто он мог это увидеть.

— Не отмахивайтесь от моих слов, — неожиданно заявил Невзоров с упреком, будто ухитрился за ней проследить. Она даже покраснела, честное слово. — Есть хорошая французская поговорка: «В опасении половина спасения!» Очень мудрые слова, прислу- шайтесь к ним. Если вы сами не озаботитесь своей личной безопасностью, безопасностью вашего жили- ща, то кто сделает это за вас?..

Настроение неожиданно испортилось. Просто ле- жать и ничего не делать расхотелось, и Юля, сбросив ноги с дивана, встала. Посмотрела на свои измятые домашние брюки цвета слоновой кости, на задрав- шуюся на пупке майку, тут же нашла, что лак на обо- их мизинцах облупился, и проворчала:

— Вот все твои слабые места, дорогая!

Муж с минуты на минуту вернется со службы, а она выглядит так, будто только что закончила гене-

ральную уборку двухэтажного дома, приготовила обед на семью из десяти человек и...

Этого же не было ничего!

Не было двухэтажного дома — всего лишь большая благоустроенная квартира из трех огромных комнат, столовой, ванной, душевой и пары туалетов. И генеральной уборкой она не занималась, с этим благополучно справлялась приходящая домработница, которую порекомендовали соседи по подъезду со второго этажа.

Не было семьи из десяти человек. Только она — Юля и ее муж — Степан. И обеды она не готовила. Этим занималась все та же Мария Ивановна, домработница с рекомендациями.

Юля же была освобождена от гнета семейного быта. Полностью. Раз и навсегда. Это было первое требование Степана.

— Моя жена должна быть женщиной, а не кухаркой, — заявил он безапелляционно, целуя огромный волдырь на ее пальце, который она ухитрилась посадить, ухватившись за огненную ручку кастрюли. — Мы можем позволить себе это, милая. Ради чего тогда работать?..

Работой, правда, ее занятия можно было назвать с большой натяжкой, но платили неплохо.

Имея высшее филологическое образование, она подтягивала отстающих оболтусов из хороших семей по русскому и литературе.

Их было не так уж много — всего четверо. Приходили они к ней парами через день и занимались по два-три часа. Разве же это работа? Она и не уставала совсем. Ее как раз все это развлекало. Дети ее любили, старательно писали под диктовку, зубрили прави-

ла и слушали километровые отрывки стихотворений, которые она им читала с упоением наизусть.

Время пролетало незаметно. И заработанных денег вполне хватало на то, чтобы покрывать расходы: содержание домработницы, массажный и косметический салоны и не очень дорогие подарки Степану. В общем, помимо денег, эта работа приносила другие радости: можно было смело спать допоздна, совершенно свободно распоряжаться своим временем и порой устраивать себе праздное времяпрепровождение, шатаясь по квартире в домашнем костюме.

— Красотка, сказать нечего! — фыркнула Юля своему отражению в огромном зеркале.

Выглядела она сейчас в самом деле не очень — на слабую троечку едва выглядела.

От долгого лежания на диване штаны и майка помялись, волосы спутались, лицо чуть припухло, а на одной щеке образовалось два перекрещивающихся красных следа от подушки. И это за пару часов до отъезда!

Кошмар, покачала бы головой Мария Ивановна.

Непорядок, дернул бы подбородком Степан.

Полный отстой, хмыкнули бы ее подопечные.

Для исправления ситуации требовалось срочно в душ — под контрастные струи. Потом вооружиться бытовыми электроприборами, в плане электрических расчесок и фена. Залить физиономию нежной эмульсией с концентратом клубничного сока, пощелкать по щекам, покусать губы и только после этого можно было представлять пред светлые любимые очи.

Очи при встрече оказались слегка затуманенными.

— Устал, — отбрыкнулся Степка от ее объятий и поплелся, сильно приволакивая ноги, в душ. — Я щас, погоди...

Годить пришлось почти час. Степка за пластиковой дверью душевой будто целый батальон купал. Гремел чем-то, плескался, жужжал электробритвой и все никак не хотел выходить.

— Степ, ну мы едем сегодня или нет? — ныла она под дверью и корябалась. — У меня уже все собрано. Сам говорил, что в ночь выедем!

— Ап!

Выпрыгнул он из душа совершенно неожиданно, когда она уже, устав ждать, взяла курс на гостиную. Тут же обхватил ее сзади, прижал к себе и поцеловал в шею, потершись гладковыбритой щекой о ее щеку.

— Чего такая кислая?

— А чего не киснуть? — притворно заныла Юля. — Пришел темнее тучи, заперся, не выходишь, на вопросы не отвечаешь.

— Какие вопросы, Юлек?

— Едем сегодня или нет?

— Давай завтра с утра, а? — Муж повернул ее к себе и заглянул самыми прекрасными на свете голубыми глазищами ей прямо в душу. — Отдохнем, выспимся, а с утра пораньше в путь. Как тебе такая перспектива?

Перспектива ей не понравилась. Дорожные сумки были собраны. Провизия в дорогу, приготовленная Марией Ивановной, тоже. Та зажарила курочку, напекла немислимых слоев, которые не крошились в руках, а таяли во рту, нарезала тонкими пластинками сыр, намыла яблоки и груши. Все это очень аккуратно упаковала в плетеную корзинку, перестелив чистыми полотенцами. И что теперь? Все снова доставать? Распаковывать, убирать в холодильник курицу, которая к утру непременно покроется жиром? Фу, есть не захочешь...

— Утром значит утром, — кивнула она, улыбнувшись мужу.

Упаси бог с ним спорить. Такого она себе не позволяла никогда. И не потому, что не желала нелепых скандалов в доме, а просто потому, что почти всегда считала его правым. Он же умница — ее обожаемый муж. Умный и рассудительный. Если счел необходимым выехать завтра утром, стало быть, так надо.

Необходимость остаться дома еще на один вечер скоро и проявилась.

— Ты иди ложись спать, а я еще немного поработаю, — поцеловав ее в лоб, пробормотал Степан и раскрыл ноутбук на коленках, устраиваясь удобнее в кресле. — Нужно кое-что доделать, сбросить по электронке, дождаться одобрения, а тогда уж...

— И в дорогу пора, да? — рассмеялась Юля. — Ты же устал. Отдохнуть хотел, Степ.

— Мы куда с тобой едем вообще, я не понял? — шутливо повысил он голос. — На отдых, так ведь?

— Ну, да.

— Вот там и отдохнем. Иди, детка, отдыхай. А то будешь завтра носиком клевать всю дорогу. А мне собеседник нужен...

Собеседник из нее получился никудышный. Невзирая на то, что проспала всю ночь как убитая. Даже не слышала, как Степан пришел. Стоило им отъехать от города за сотню километров, как Юлю потянуло в сон.

Пейзаж за окном был однообразен и вскоре начал наводить на нее уныние заросшими сорняком пустошами и кособокими домами в придорожных деревнях.

— Как же люди здесь живут, Степа?! Ужас просто! — восклицала она поначалу, до того, как приня-

лась клевать носом. — Грязь какая... Запустение... Нельзя же так!

— Их это, возможно, устраивает, — равнодушно дергал он плечами.

— Но как может такое устраивать?!

— Не устраивало бы, попытались бы что-нибудь изменить. Траву в палисаднике покосить, к примеру. Ленив мужик, милая, очень ленив. Только и может, что завидовать да на соседское добро зариться. Столько вора, столько мошенников, ты себе не представляешь!

— Ты знаешь, вчера передача шла по телевизору, — вспомнила она неожиданно про неулыбчивого Невзорова. — Так вот там...

Она вкратце рассказала Степану обо всех предостережениях майора.

— Ну вот! А я что говорил?! — подхватил тут же Степан. — Вместо того чтобы свою смекалку использовать в нужном направлении, они изощряются в преступлениях. До такого порой додумаются, что диву просто даешься. С психологией опять-таки у них все поставлено...

— Да! — перебила его Юля, снова вспомнив слова из передачи. — Об этом он тоже говорил. Мол, мошенники находят слабые, уязвимые места и играют на этом.

— Вот-вот. И это все вместо того, чтобы работать. Зачем, к примеру, ехать и поднимать деревню, вилами махать, косой там, когда можно позвонить кому-нибудь по телефону и... — он внезапно умолк и тут же резко вывернул руль вправо, выругавшись: — Вот идиоты, а! Как можно так ездить, не пойму!

Вскоре машин прибавилось, Степан полностью сосредоточился на дороге. И Юле ничего не оставалось делать, как, привалившись правой щекой к дорожной подушечке, дремать. Так и ехала, то открывает глаза,

когда Степан, не выдерживая бездорожья, выругается, то снова их закроет.

Заросшие сорняком пустоши часа через три сменились плантациями подсолнечника.

— Красиво... — шепнула она, поправляя под щекой подушечку. — Как отражение восходящего солнца.

— Почему? — не понял Степан, занятый дорогой.

— Так на восток все время смотрят...

Потом срезы оврагов запестрели меловыми залежами, еще дальше на пути выросли шахтные отработки, проехали Ростов, Краснодар. Машин становилось все больше и больше. В салоне, невзирая на работающий кондиционер, — все жарче и жарче. А Степан — все пасмурнее и пасмурнее.

— Мне показалось или ты расстроился из-за телефонного звонка? — пролопотала Юля сонно, вытягивая затекшие ноги.

— Какого звонка? — вздрогнул он, задетый ее рукой.

— Тебе кто-то позвонил, ты рассердился и теперь едешь мрачнее тучи.

Юля перегнулась назад, нырнув между сиденьями. Нашарила в корзинке минералку и, придавливая крышкой яростное шипение из горлышка, открыла бутылку.

— Будешь пить?

— Нет, спасибо, — он помотал головой, посмотрел на часы. — Ночевать будем в дороге?

— Как скажешь, — она пожала плечами. — Я-то выпалась, а ты... Тебе же надо отдохнуть. Так кто тебе звонил, Степа?

— Никто не звонил, — неожиданно резко ответил муж. — Тебе приснилось. А вот мне какой-никакой сон просто необходим. Просто отключаюсь. Переспим?

— Давай, — согласилась она, немного на него оби-
девшись.

Что в самом деле из нее дурочку делает? Она отчетливо слышала: звонок на его мобильный. Было это.. Точно не скажет, но далеко уже за Ростовом. Мелодия еще очень странная звучала, что-то из шансона. Очень громко, к слову, звучала, мертвого бы подняла, а она даже и не спала, а так, дремала.

Так вот, позвонил кто-то. Степан ответил. Долго слушал, не произнося ни слова. Потом буркнул очень резко и очень недовольно:

— Да понял я, не дурак!

И снова замолчал. Она еще подумала тогда, что разговор окончен, и приоткрыла один глаз. Нет, он по-прежнему слушал кого-то, прижимая свою «раскладушку» к уху.

Юля глаз снова прикрыла и минуты через две едва не подпрыгнула, потому что Степа как закричит:

— Через два, я сказал!

Она завозилась. Хотела приоткрыть глаза, но услышала характерный звук, сопровождающий закрытие его телефонного аппарата, и решила не напрягаться. Разговор был окончен. И вот потом уже уснула достаточно крепко. А перед этим...

Она не спала! Она слышала! Степан с кем-то говорил на повышенных тонах. Правильнее — слушал, а потом уже говорил. И слушал гораздо дольше, чем говорил. Чего тут скрывать?! Она же не дура.

— Я и не говорил, что ты дура, милая, — Степан делано рассмеялся. — Я сказал, что никакого телефонного разговора не было, тебе это приснилось. Хочешь, посмотри во входящих звонках, там ничего нет.

Проверять его? Проверять его искренность?! Да как можно! Она же... Она же верит ему, любит его, до-

рожит им и еще много, много чего, чему еще не успели дать названия, но что иногда душит ее просто до слез умиления. И вот, имея на руках такой разворот козырных чувств к своему мужу, она должна его проверять?

Нет! Это противно.

— Не сердись. — Она поймала ладонью его напряженный затылок и легонько погладила пальцами. — Может, и правда приснилось. Ты прости. Дорога... Так утомительно. Прости?

— Все в порядке, — он передернулся. — От твоих пальцев у меня по спине мурашки.

— Это хорошо или плохо?

— Это отвлекает. — Он покосился на нее со значением. — Так я останавливаюсь у первого мотеля?

— Давай...

Невзирая на ее предвзятое отношение ко всякого рода придорожным ночлежкам и харчевням, как она это привыкла называть, мотель «Добрый сон» оказался весьма и весьма приличным местом. Двухэтажный деревянный сруб с впечатанными в бревна пластиковыми окнами. В каждом номере кондиционеры, крохотный, на двадцать посадочных мест, ресторанчик на первом этаже, окнами во двор. И три огромных пса, вяло несущих свою вахту по всему периметру.

До ступенек мотеля «Добрый сон» Юля шла мелкими шажками, вцепившись в локоть Степана так, что тот болезненно захныкал через минуту.

— Ты мне так кости переломаешь, милая.

— Ну, собаки же, Степ! — прошептала она зловеще, боясь даже коситься в их сторону. — Непривязанные!

— Если не привязаны, значит, не представляют опасности, — начал рассуждать логически ее самый умный на свете муж. — Разве стал бы хозяин мотеля так рисковать постояльцами? Нет, конечно. А если

они не опасны, то и бояться их нечего, дорогая. Отпусти мою руку, больно же!

Руки она не выпустила до самых дверей, но хватку ослабила. И вздохнула спокойно, только когда за ними закрылась дверь их номера.

— А тут миленько, — признала Юля, оглядев-шись. — Чисто и со вкусом.

Чисто было до стерильности. Плитка в ванной комнате тоненько взвизгнула, когда она с силой провела по ней пальцем, пытаясь отыскать характерную слизь. Полотенца, постельное белье все в упаковках с еще не оторванными ценниками. Она могла бы, конечно, придрататься, что, мол, все это надлежит пропустить через утюг. Что негигиенично, но...

Но предпочтительнее было самолично вскрыть фабричную упаковку, чем догадываться, кто еще мог коснуться этого белья руками.

Степан принял душ первым. Она не стала спорить. Человек почти десять часов провел за рулем, устал, значит, заслужил. В общем, она уступила. И подушку под его влажной после душа головой взбила повыше, когда он упал со стоном на кровать.

— Отдыхай, я сейчас, — пообещала она, обцеловывая любимое лицо.

Торопливо намыливалась, торопливо чередовала по привычке воду, так же спешила, высушивая волосы. Вышла из душа, а Степана нет. Растерянно заморгав его влажному оттиску на свежезастеленной кровати, она как идиотка даже к шкафу ринулась. Будто Степан совсем из ума выжил и вдруг решил поиграть с ней в прятки.

Конечно, в шкафу никого не оказалось, две их дорожные сумки не в счет. И под кроватью ее муж не

прятался тоже, не нужно было даже нагибаться. Нагнулась, честное слово, мозги от жары распарило!

Нет, ну куда же он мог подеваться с такой-то усталости?! Ведь едва ноги волочил, выбираясь из душевой комнаты, а тут вдруг...

Совершенно неожиданно Юлю охватило незнакомое прежде чувство странного беспокойства. Нельзя было даже сказать, что она начала беспокоиться за Степана. Не иголка, в конце концов найдется. Может, в ресторан пошел, сделать заказ. Может, воздухом вышел подышать на балкон, опоясывающий здание чугунными низкими перильцами. Ну, нравится человеку дышать знойным спертым воздухом, кто против. Нет, не отсутствие Степана вызвало у Юли смутное беспокойство. Что-то еще... Что-то другое...

Как-то неуютно сделалось мгновенно, до мурашек под лопатками, от этого противного чувства. Будто ветром ледяным повеяло, будто солнце кто спрятал за огромной черной тучей, и дождевые капли будто намочили шею под воротником. Вот как ей сделалось от того, что Степана не оказалось там, где он должен был быть определенно. Ведь в их общей с ним жизни все было так... Так размеренно, так спокойно, мирно, счастливо и безмятежно. И главное — системно! Каждая вещь, каждое действие знали свое место и время.

Утро начиналось с едва слышного звонка кофеварки. Степан всегда программировал ее с вечера, чтобы, не успев открыть как следует глаза, тут же хлебнуть из крохотной глиняной чашечки. Он выпивал сам, потом тащил кофе ей в постель. Если Юля изъявляла желания пробудиться в половине восьмого утра, то кофе не оставался остывать на тумбочке. Потом Степан уезжал на службу. А она, выбравшись из кровати, начинала свой день.

Час уходил на то, чтобы привести себя в порядок и подготовиться к приходу детей. Они приходили. Она вела их к Степану в кабинет, где они занимались за огромным Т-образным столом. В перерыве она поила учеников чаем, соком, кофе, в зависимости от их пожеланий. Угощала пирожными, кексами, печеньем. Потом провожала детей и начинала готовиться к ужину, а потом к обеду. Двое ее подопечных учились в школе в первую смену и приходили после обеда. Двое других занимались во вторую смену, а к ней заявлялись с утра.

Все ее приготовления к обеду или ужину заключались в том, что она шла на кухню, усаживалась на стул возле окна и с интересом наблюдала за тем, как хлопочет возле плиты Мария Ивановна. Она не надоедала домработнице вопросами, разговорами, молча грызла морковку либо капустный листик и с упоением смотрела на ловкие руки своей помощницы.

Потом Мария Ивановна, приготовив либо обед, либо ужин, уходила. А Юля начинала сервировать стол либо к обеду, либо к ужину. Их домработница жила в доме по соседству, и такой вот график — пришла-ушла — ее вполне устраивал. Ее работодателей тоже.

Обедала Юля, как правило, в одиночестве, ужинала всегда со Степаном.

Но даже полное одиночество за столом в их огромной кухне-столовой не позволяло ей расслабиться. Она всегда накрывала стол как положено: салфеточки, приборчики, цветочки в вазочке. Она же должна уважать себя? Должна! Вот и...

К ужину возвращался Степан. Они усаживались за стол. Неторопливо ели, разговаривали, время от времени касаясь губами края бокала с хорошим вином. Потом шли в гостиную, смотрели телевизор, снова разговаривали. Потом шли в спальню.

Секс у них был каждый день. Ровный, милый, приятный, без ненужной порывистости и иссушающей страсти. Они забирались под одеяло. Какое-то время Степан молча настраивался на исполнение супружеского долга. Юля в это время тихонько лежала рядом, нежно поглаживая его живот. Потом он к ней разворачивался, несколько раз целовал в губы и грудь, потом взбирался на нее, либо поворачивал ее к себе спиной, либо усаживал сверху, в зависимости от того, как им обоим этого хотелось. Дождался ее, потом поспевал следом и шел в ванную, а следом на кухню программировать кофеварку. Затем возвращался в кровать, дожидался жену после душа, пристраивал ее головку на своем плече, и они мирно засыпали.

И Степана, и Юлю такое положение вещей вполне устраивало. Менять никому ничего не хотелось. Так было день за днем. Так — планомерно, спокойно и мирно — протекала их совместная жизнь. И им в ней было очень уютно.

Мягкой и бархатистой казалась Юле ее жизнь. И она барахталась в ней, куталась в нее, втягивала ноздрями этот тонкий аромат безмятежности и совершенно ничего — уж точно — не собиралась в ней менять. И что самое главное — никогда за совместно прожитые годы у нее не возникало мерзкого чувства высыпавших мурашек под лопатками, и голову в плечи, будто от ледяных брызг, ей вжать не хотелось. А тут...

Очень быстренько Юля оделась, порывшись в своей дорожной сумке. Натянула свежую кофточку на трех пуговичках, шорты, сунула ноги в сандалии. Вытащила из дверного замка ключ и вышла из номера.

Она не собиралась следить за Степаном — боже упаси! Не собиралась идти по его следу, кто мог сказать подобное! Ее просто подгонял беспокойный зуд,

утихомирить который могло только присутствие любезного сердцу супруга. Вот она и вышла из номера.

На стоянке возле машин его не было. В ресторане, куда она отправилась следом, тоже. Рыхлая женщина с копной смоляных кудрей улыбнулась ей и спросила на ломаном русском, не изволит ли она поужинать.

— Да, да, непременно, только чуть позже. Мужа отыщу. — Юля ответила ей улыбкой. — Он не заходил сюда? Высокий голубоглазый блондин... Очень симпатичный...

Женщина скользнула по ней оценивающим взглядом и тут же с характерной ухмылкой отрицательно мотнула головой. Юля вспыхнула. Сделалось обидно до неприятного.

Ну да, она не красавица. Не супер и не топ-модель, но и не дурнушка. Поэтому нечего на нее смотреть, как на существо, недостойное пребывать рядом с высоким, симпатичным, голубоглазым блондином. Они очень даже видная пара и вполне достойны друг друга. А шарма у нее на десятерых хватит. А тело ее, между прочим, Степан называет невозможно соблазнительным, вот!

— Если ваш муж в халате и с телефоном, то он на балконе в шезлонге с северной стороны мотеля, — подсказал вдруг кто-то со спины. — Он уже там минут десять разговаривает с кем-то.

Обернувшись, она обнаружила возле барной стойки совсем юную девушку, чуть уменьшенную в размерах копию той женщины, что оценила с ходу ее так низко. Дочь, наверное, подумала Юля, поблагодарив ее кивком головы. Улыбаться что-то расхотелось. Повернулась и пошла из ресторана к винтовой лестнице, с которой начинался обруч балкона с низкими литыми перильцами.

Степан нашелся. Да и куда он мог подеваться, господи! Чего это ей в голову и в душу полезло идиотское чувство беспокойства, поплелась его искать? Теперь вот ко всему прочему еще и легкая досада примешалась. Досада на противную тетку, посмевавшую взять под сомнение ее — Юлино — очарование. Можно подумывать, эта рыхлая женщина решает, кому конкретно надлежит быть рядом с симпатичными голубоглазыми высокими блондинами. Тоже еще — ценительница!..

Муж нашелся именно там, куда ее отослала дочка противной тетки. С северной стороны здания на балконе стояло несколько столиков и шезлонгов. Провисший от безветрия парус навеса радовал глаз ярко-желтой с оранжевым полоской. От него к перильцам была натянута леска, по которой резло вился дикий виноград. Тень, благодатная прохлада, какой-никакой, но свежий воздух. Понятно, с чего Степана потянуло именно сюда.

Он сидел в шезлонге к ней вполоборота, далеко вперед выбросив длинные ноги, и с ленивой грацией преуспевающего в жизни и издерганного этой же самой жизнью бизнесмена потирал переносицу. Есть, есть такая у них манера, не надо спорить. И всегда можно распознать их даже по тому, как они поворачивают голову. Не так она у них поворачивается, поверьте, как у простых смертных, только что выскокших из заводской проходной. И взгляд не такой. Не так совершенно он у них работает. Загадочно и непрозрачно он у них помаргивает, как прикрытый защитным экраном монитор компьютера. И какая потом оттуда заставка выскочит, что именно преподнесет на рабочий стол их нестандартное деловое мышление, одному черту может быть и известно. Потому как бог тут совершенно ни при чем.

Не с его молчаливого согласия сколачиваются огромные состояния. Не он благословляет на поглощение мелких компаний крупными. Не стал бы он терпеть толпы выброшенных на улицу сотрудников, уволенных по сокращению штатов, и уж тем более никогда бы не примирился с жестким устранением конкурентов.

Не все, конечно, прибегают к таким вот методам, но бывает...

И взгляд, и походка, и манера сидеть за столом либо в шезлонге у них своеобразная. За столом переговоров, к примеру, они деловиты, собранны, сдержанны и настороженны. Как бы не обошли, как бы чего не вышло. А на отдыхе, как вот теперь ее Степан расслабился, они сиживать изволят совершенно иначе. Тело расслаблено, манеры вальяжные, взгляд рассеянно мерцает. Только вот мало кому известно, что подобное мерцание обманчиво. Оно много чего таит в себе. И такого вот обманчивого мерцания Юля немного опасалась. Оно не беспокоило ее, нет. Оно просто было ускользающим, трудно поддающимся пониманию. И это делало ее любимого мужа Степана немного... немного чужим, наверное. А это не могло Юле нравиться. Она же любила его, уважала, боготворила, невзирая на заповедный запрет.

— Я сказал, два! — услышала она его устало-возмущенный возглас, подкрадываясь незаметно. — Сколько можно об одном и том же, не понимаю! Нет, никак... Да, понятно... нет, не догадывается и даже не знает. Все, конец связи.

Степан свернул разговор, неторопливо опустил руку с телефоном к колену и принялся тихонько постукивать крохотной игрушкой по коленной чашечке. Расслабленность позы немного утратила свою грацию. Степана будто крапивой по спине стегнули, на-

столько он был напряжен. И Юля решила немного исправить ситуацию, подобравшись к мужу совсем близко.

— Милый, привет, — шепнула она ему в ухо, обнимая со спины за плечи. — Бросил меня, да? У ты какой...

— А-а-а, малыш, — пробормотал он с зевотой.

Но сонливость получилась у него какая-то ненатуральная. Конечно, при такой напряженной спине какой может быть сон? Да и разговор, свидетельницей которого она оказалась, у него, кажется, вышел малоприятным.

— Кто доставал, Степ? Клиенты, партнеры, конкуренты? — спросила Юля просто так абсолютно.

Она никогда не интересовалась делами мужа. Стыдно признаться, но она вообще имела смутное представление о том, чем конкретно занимается ее Степан. Что-то покупал, кажется, перепродавал. Поставлял, добывал, выступал посредником. И назывались как-то странно. Какой-то неблагозвучный буквенный набор: то ли аббревиатура фамилий и имен партнеров, то ли имен их жен и детей. Она не вникала. Не виделось в том нужды, да и Степан всегда считал это лишним.

— Мы же не деловые партнеры, любимая, — любил повторять он за ужином, потягивая вино. — Зачем тебе засорять свою миленькую головку моими проблемами? Вот представь: прихожу я со службы уставший, издерганный. Переступаю порог и... и забываю тут же обо всех проблемах, посмотрев в любимые глаза. А начни я ныть и искать у тебя утешения, что начнется?

— Что?

— Ты начнешь мучиться, страдать, переживать за меня. Станешь пытаться находить пути решения и только будешь мешать мне. Я начну раздражаться. Оно нам надо?

— Нет, — соглашалась она, кивая ему со счастливой улыбкой.

Она всегда и во всем с ним соглашалась. Не соглашаться было просто-напросто невозможно. Степа, он же был мудрецом. Умнейшим из умных. Под каждое свое слово и дело он подводил логическую основу. Под каждое! И никогда практически не ошибался...

— А что? — ответил он вопросом на вопрос, ничего не значащий, между прочим, вопрос. И вдруг напрягся как-то вовсе неестественно. Юле показалось, что у него даже скулы свело от напряжения.

— Так, ничего, — она пожала плечами и поцеловала мужа в гладковыбритую щеку. — Вышла из душа, тебя нет.

— Волновалась? — вдруг перебил ее Степан и чуть полуобернулся, посмотрев как-то уж слишком оценивающе.

— Я? Да нет... Не особо... — ответила Юля честно, она же никогда не лгала своему мужу. — Прошлась по мотелю, заглянула в ресторан, думала, ты там. Меня направили сюда, и только...

— И только, — задумчиво повторил он, вздыхая. — И только... А скажи-ка мне, Юлия?..

Он осторожно снял со своих плеч ее руки. Отодвинулся и, обернувшись на жену, посмотрел совершенно уж незнакомо.

— А скажи-ка мне, милая, если у меня случится вдруг очень длительная и очень серьезная командировка, ты станешь по мне скучать?

Вот откуда его напряженность! Вот откуда новизна взглядов и вопросов!

Дела бизнеса посылают его куда-то очень далеко и очень надолго. И он мучается оттого, что ему придется оставить ее одну. И не знает, как ее к этому подгото-

вить. Как сказать, не знает. Милый, милый Степка! Как же она его любит!

— Я буду скучать, реветь в подушку и ждать тебя, ждать, ждать! — проговорила она срывающимся на трагический шепот голосом.

— Долго будешь ждать?

Любимые голубые глаза перестали, наконец, неоновно-непроницаемо мерцать и зажглись тем самым светом, от которого сердце ее стучало сильнее, громче и чаще.

— Я буду ждать тебя ровно столько, сколько будет нужно. Сколько скажешь, столько и стану ждать, милый.

— Я не ошибся в выборе жены, черт возьми!

Степан, откинув голову, счастливо рассмеялся. Тут же встал с шезлонга, поправил халат и привлек Юлю к себе. Прижал к груди, взъерошил ее волосы, зацеловал щеки и шею.

— Я люблю тебя, Юлька! Очень сильно люблю! Помни это, что бы ни случилось! Помни всегда, — чередовал он свои поцелуи бессмысленным бормотанием. — Ты самая лучшая, самая надежная, самая любимая...

Он никогда не говорил ей, что она самая красивая, неожиданно поймала свою ускользающую мысль Юля и вздохнула. Мог твердить по сотне раз, что обаятельная, сексуальная, соблазнительная и всякое такое, но ни разу не назвал красивой. А ведь ее внешности могли многие позавидовать, если присмотреться.

Высокая, белокожая, с шикарными волосами цвета меда, который переливался всеми оттенками — от цветочного до гречишного. Лицо ее тоже привлекало взгляды мужчин. Высокие скулы, полный яркий рот,

зеленые глаза, разрез которых придавал ее внешности что-то азиатское.

Да, она не была роковой брюнеткой. И от милой прелести блондинок в ней не было ничего. Но она была красива своей собственной, неприобретенной красотой и немного этим была горда.

С чего тогда Степка ни разу не назвал ее красивой? И эта противная тетка из ресторана сочла ее блеклой и недостойной такого красавца, как ее блондинистый супруг. Надо же, никогда вот не задумывалась, кутаясь в свою счастливую семейную жизнь, как в шикарное меховое манто, а тут вдруг...

— А пойдем ужинать, малыш, а? Что на это скажешь? Мясом жареным пахнет, что-то аппетит разыгрался. Что скажешь? — Степка отстранился, любовно оглядев ее ладную фигуру. — Хороша ты у меня! Просто дух захватывает, как хороша! Так что насчет ужина, заказывать?

— Да, — ответила она коротко.

Если у мужа разыгрался аппетит, разве станет она морить его голодом из-за глупых своих соображений. Нет, конечно. Она послушно сядет напротив, будет ковыряться в пережаренном шашлыке, улыбаться тому, с какой жадностью ест Степка. И совсем не станет обращать внимания на то, как оценивающе сравнивают их черногривые мать и дочь. Как шепчутся у них за спиной и бормочут наверняка, что такой красавчик мог бы найти себе дамочку и поинтереснее. Она не будет обращать на это внимания. Не обращала же раньше, слыша свистящий шепот за своей спиной на обязательных ежегодных мероприятиях, куда Степана приглашали вместе с женой. Не обращала, порой понуро простаивая возле колонн в одиночестве, когда Степана увлекал в сторону очередной партнер

по бизнесу, а то и просто нужный человек. Простаивала с постным видом и однажды нарвалась-таки на откровение, высказанное очень громко и неприкрыто, напрямую, в лоб:

— Что это такая златовласка скучает в одиночестве, а? Почему с таким кислым видом? Вам не идет!

Юля тогда растерялась. Голос шел из-за колонны. Был глумливым и не совсем трезвым. Первым порывом было уйти. Потом настырно осталась на месте, дожидаясь развития событий. События вынырнули из-за колонны в образе изрядно подвыпившего мужчины «под полтинник», склонились к ее руке с поцелуем и представились, с гусарской лихостью щелкнув каблуками:

— Арбенин Игорь Адамович! Никакого благородного отношения к сей благородной фамилии не имею, но отпечаток наложен, и потому я так тут перед вами выеживаюсь. А вы?

— Юлия, — быстро проговорила она, беспомощно оглядываясь по сторонам в поисках супруга.

— Вы супруга Степана Миронкина, так ведь? — Арбенин прищурился, заметив метание ее взгляда. — Да не ищите, его увлекли акулы бизнеса в соседний зал. Освободится, дай бог минут через двадцать. Так вы и в самом деле его супруга?

— Да. — Юлия кивнула, испытывая отвратительное чувство собственной наготы под его прищуренным пьяным взглядом.

— Интересно, интересно... Я много наслышан был о вас, но увиденное прямо противоположно общепризнанному мнению, знаете ли.

Арбенин хоть и не был благороден по происхождению, но вот психологом был неплохим. Знал, мерзавец, как заинтриговать, как завладеть вниманием женщины, минуту назад готовой бежать от него куда

глаза глядят. Выговорив двусмысленную тираду про «общепризнанное мнение», он замолчал, продолжая ее рассматривать.

Она, конечно же, не выдержала и спросила:

— И каково же «общепризнанное мнение» на мой счет, Игорь Адамович?

— Мне кто-то сказал, не помню кто, что вы... уж простите мою откровенность, что вы дурнушка. А на самом деле! Сражен! Честно говорю, сражен! Вы просто... Вы просто восхитительны! — И он снова полез целовать ее руку, склонившись так, что того и гляди упадет.

Конечно, слова восхищения изрядно подвыпившего мужчины она в тот момент не восприняла. Больно кольнуло другое. Больно кольнуло «общепризнанное мнение»! Ох, как она взвилась, тут же начав критически осматривать других дам, так же, как и она, томившихся либо возле колонн, либо возле барной стойки. Правда, они кучковались, в одиночестве не прозябали, как она, но...

Короче, расхожий шаблон потрясающей красавицы Юля в тот вечер не приклеила никому. Не было там таких, вот!

— Вы правы, — снова пристал к ней Арбенин, безошибочно угадав, с какой целью Юля рыщет глазами по залу. — Здесь нет достойных! Вы лучшая — Юлия Миронкина. Просто эти тетки, они... они умеют себя преподавать, понимаете?

— Не совсем. — Она ведь снова не хотела, да прислушалась к тому, что несет его пьяный заплетающийся язык.

— Они умеют, как это... Заставить... Короче, вам не хватает огня, Юлия Миронкина. Либо его потушил ваш великолепный супруг, либо...

— Либо что?

Она наконец-то вздохнула с облегчением, увидев Степана, спешившего к ней со счастливой улыбкой. Он всегда так улыбался ей. Всегда, какой бы дурнушкой она ни казалась другим.

— Либо он не сумел в вас его зажечь! — закончил Арбенин, тоже заметив Степана. И вдруг снова встре-пенулся и, прежде чем уйти, добавил: — Когда он в вас пробудится, Юлия Миронкина, все вокруг будут ослеплены. А ваш муж, он просто хитрец. Он знает, каким сокровищем обладает и приглушает его, и не позволяет ему сверкать. Жадина!..

Может, так оно все и было, потому что Степан в тот вечер надувал губы и даже пытался ее ревновать к Арбенину. На что Юля очень весело и долго смеялась, а ночью с такой жадностью принялась доказывать свою любовь, что Степан просто выдохся и ни о какой ревности больше не вспоминал..

— Так идем ужинать или нет?

— Идем, конечно. Ты что же, в халате пойдешь? Переодеваться не станешь? — Она удивленно захлопала ресницами.

— Переоденусь, конечно. Мяса хочу, малыш. — Степан беззаботно рассмеялся. — Много мяса, хорошо прожаренного, с соусом непременно. Сначала мяса, а потом тебя..

ГЛАВА 2

— Невзоров, ты домой или куда?

Ребята из его отдела стояли втроем на другой стороне парковочной площадки и призывно улыбались ему, не забывая живописно жестикулировать. Один щелкал себя тыльной стороной ладони по кадыку. Второй выкручивал подбородок в направлении их любимого кафе через дорогу. А третий и вовсе изо-

бражал что-то непотребное обеими руками, будто на лыжах ехал сейчас по расплавившемуся под солнцем тротуару.

— Я? Я домой, мужики, — с угрюмой миной ответил Невзоров и полез в карман штанов за ключами от машины.

— Так ты-ы! — заныл один из них. — Пятница же сегодня! Сам бог велел после такой-то неделки!

— Во-во, — тут же подхватил второй. — Именно пятница. И мало того, ты нам просто обязан выставиться.

— За что? — не понял Невзоров, распахивая все двери своей раскалившейся под солнцем «девятки».

Пока раскрывал двери, все брюзжал про себя. И чего это начальству приспичило устраивать парковку именно в этом месте?! Тут же круглый год солнце, даже в ненастье, мать их, тут солнце палит! Нет бы с северной стороны здания их отделения. Там вечный полумрак, даже мох под уличными подоконниками завелся. Сколько ни вычищали, тот настырно пер наружу. Там бы взяли и устроили стоянку. Нет же. Не положено. СИЗО рядом. А ну как кто-то из заключенных сбежит, что тогда? Он же непременно прыгнет в первую подвернувшуюся тачку и укатит.

Смешно! Смешно и наивно было так думать, решил тогда Невзоров, но промолчал, как и все остальные.

Во-первых, все свои автомобили сотрудники отделения милиции запирали. Ключи никто не оставлял.

Во-вторых, если кому суждено удрать, а потом уехать, то какая разница, откуда он машину возьмет: с северной ли стороны здания, с южной? Если сбежавший профи, местоположение автомобиля ему не препон...

— Как за что?! — вытаращились ребята из его от-

дела, кажется, с обидой. — Ты же у нас теперь звезда телевидения, Невзоров! У тебя был дебют? Был! Проставиться должен? Должен! А он домой собрался, понимаешь! Кто тебя там ждет, дома, Олег?

Дома его никто не ждал уже как два месяца, тут ребята были правы на все сто. Но вот про телевизионный дебют им напоминать не следовало. Тут же челюсть свело от желания плюнуть в их сторону. Сдержался. Обижать никого не хотелось. Да и парковка прямо под окнами начальства. А ну как к окну изволит подойти руководство да узрит, как майор плевками чистый асфальт покрывает, что тогда будет? Гундеж тогда будет, который тут же перейдет на упреки за плохую раскрываемость, затем вспомнится рост преступности по району и так далее и тому подобное.

Нет, он уж лучше тихонько загрузится в раскаленную машину. Отъедет подальше от отделения, раскроет окно и тогда уже плюнет с досадой.

— Слышь, Олег. — Один из ребят подошел к нему поближе и присмотрелся. — Ты чего такой? Случилось что?

— Да нет... — Он пожал плечами и тут же поморщился, уловив запах пота от своей рубашки, надо же, ни один дезодорант такой жары и такой скотской работы не выдерживает. — Все вроде в норме, если не считать того, что меня с этой чертовой передачей выставили на посмешище. Что от меня ушла жена пару месяцев назад. И что она не позволяет мне видеться с дочкой. Нет, все вроде в порядке. Как в той песне: «А в остальном, прекрасная маркиза...»

— Да ладно тебе, не парься. Можно подумать, тебя этим можно сразить! — не поверил друг по команде. — Надька твоя тебя только осчастливила своим уходом. С дочкой, конечно, перебор с ее стороны, но

что ушла — молодец. Ведь сколько крови она у тебя, Олег, высосала! Ты только вспомни!..

Невзоров нехотя кивнул.

Спорить было невозможно, да он бы и не стал. Надька была стервой первостатейной. Мало того, еще была жадиной и врушкой.

— Не ври мне никогда! — частенько орал он на нее, припирая голыми фактами к стенке. — Я же вижу твою ложь насквозь!

— О, ты у нас мент, как же! — фыркала жена ему в лицо, нисколько не смущаясь того, что попалась. — Ты же профессионал! Обмануть тебя только дохлый сможет..

Дохлый не дохлый, но вранье Надежды было очень гадким и откровенным. Она будто бы нарочно травила его своей ложью. Будто бы тренинг своеобразный для него устраивала: угадаешь — молодец, не угадаешь — дубина. Он всегда угадывал. Почти всегда. Злился, орал на нее, даже однажды ударил по щеке. Не больно ударил и не ударил даже, а мазнул кончиками пальцев, но что тут началось!

И к начальству его идти собиралась. И жалобу писать прокурору. И психушкой грозила. Мол, свихнулся он на своей работе, если на жену при ребенке драться кидается.

Что его жена перед этим пару ночей не ночевала дома и вместо внятного объяснения несла полчаса глупейший вздор, о том Надежда и не вспоминала вовсе. Факт свершившегося над ней возмездия приняла как незаслуженное физическое оскорбление и грозила ему, грозила.

А Невзоров не боялся. Плевать ему было на ее угрозы.

Жалобы ее никто бы рассматривать всерьез не

стал. Нет, для вида могли, конечно же, заявление ее принять, но на этом бы все и закончилось. Никто не то что наказывать, журить бы его не стал. Все про эту суку знали, ему только не рассказывали ничего. Не рассказывали до тех пор, пока она не ушла от него. А как ушла, он такого понаслушался!

— А чего раньше молчали, гады?! — орал он возмущенно, когда они с ребятами в гараже у Коляна Семенова водку пили под такой сволочной разговор. — Чего не сказал мне никто?! Я бы...

— Чего ты бы?! Ну чего?! — защищались ребята. — Ушел бы от нее? Нет, конечно! И разводиться бы не стал, потому что тебе все некогда. Ничего бы ты не сделал, страдал бы только да жалел себя. А еще дочку...

И опять они были правы. Не стал бы Невзоров ходить по инстанциям, писать исковые заявления, просиживать часами в ожидании своей очереди у адвокатов и в залах суда. Не стал бы. Не из-за лени, нет, а из-за элементарного дефицита временного и непереносимости подобных мероприятий. Ему этой казенщины и кабинетов стандартных и на работе хватает за глаза. Будет он еще в свободное от трудовых подвигов время штаны протирать на скамейках, рассматривая очередь и гадая, кто здесь еще по такой же беде, что и он.

И вот когда Надежда объявила ему, что уходит, Невзоров втайне обрадовался. Очень обрадовался, даже, не сдержавшись, выдохнул с облегчением. Неужели? Ну, наконец-то! Наконец-то он сможет наслаждаться тишиной и долгожданным покоем, возвращаясь домой со службы. Никто не будет хлопать в его доме дверями — ох, как Невзоров ненавидел стук захлопывающихся дверей, особенно если эти двери захлопывались у него перед носом. Никто не станет гре-

меть кастрюлями на кухне, без конца открывая и закрывая шкафы и двигая без лишней нужды ящиками. Никто не помешает ему пить пиво и дремать перед телевизором. Никто не взвизгнет, если он по неосторожности стряхнет пепел в цветочный горшок. И никто не потащит его в гости к маме, когда он возвращается домой с происшествия с воспалившимися глазами и надорванным нутром. Потому что там, на этом происшествии, он видел обезображенный труп молодой и некогда красивой женщины, либо убитого ребенка, либо бизнесмена. И вернувшись домой, ему бы так хотелось залечь на час в ванну для начала, а потом приткнуться к чьему-нибудь плечу и если не выговориться, то хотя бы помолчать. Помолчать, будучи уверенным, что твое молчание поймут.

Он обрадовался. А потом загоревал, наткнувшись на зареванные дочкины глаза.

Вот кого было жалко терять! Вот за кого сердце разрывалось вдрызг! Вот кто ждал его всегда — и уставшего, и веселого, и в подпитии, и голодного, и злого. Вот кто был единственным родным человечком, расставания с которым Невзорову было не пережить.

Надька-сука уловила это и все силы бросила на то, чтобы сделать ему больнее.

И встречаться не разрешала, и в заранее оговоренные для встреч часы отвозила дочку куда-нибудь. А потом недоуменно хлопала ресницами и кудахтала, что забыла про договоренность и что дочке захотелось вдруг в цирк или в зоопарк с бабушкой. Врала, конечно, как кобыла сивая. Станет его дочь в тринадцать лет почти по зоопаркам с бабушкой ходить, как же! Но не идти же на бывшую врукопашную, тем более что из-за ее плеча в тот момент лисья морда ее нового сожителя выглядывала.

Ох, жизнь!..

— Не, мужики, давайте без меня сегодня, — угрюмо обронил Невзоров, полез в машину, захлопнул дверь, опустил стекло и попросил: — Ты, Колян, извинись перед ребятами. Не могу я сегодня. Честно, не могу.

— Прощу только в том случае, если у тебя свидание. — Семенов осклабился в улыбке и кивнул в сторону ребят из отдела. — Я ведь им так и скажу, учти. Скажу, Олег к телке подался. Говорю?

— Говори, — обронил со вздохом Олег.

Он сейчас был согласен на все, лишь бы они от него отвязались. Пусть думают, что у него свидание. Что он влюбился. Что собрался жениться и нарожать кучу детей. Пусть что хотят думают. А ему лишь бы до дома побыстрее добраться. Влезть в душ, потом в домашние сатиновые штаны, тапки. Зажарить пару яиц с колбасой. Поужинать, запивая пивом, а потом выйти на балкон и покурить в летней прохладе, ни о чем не думая, а лишь слушая беззаботный легкий гул в поплывших от пива мозгах.

Пускай примитивная, но такая вот у него на сегодняшний вечер сложилась мечта. Хоть на нее-то он имеет право? Он же ничего больше у судьбы не просит и просить не станет, лишь бы на какое-то время, пускай хоть на пятничный вечер, его все оставили в покое...

Позволить своим загруженным мозгам немного отдохнуть и пьяно ни о чем таком не думать у Невзорова не получилось. С первой частью запланированных мероприятий он, конечно, справился, бога гневить нечего. Вернулся домой, влез под душ и наслаждался там с громким фырканьем прохладной водой минут двадцать, если не больше. Потом и омлет с колбасой получил на славу. И пиво охладилось именно до нужной

температуры. Поужинал, выпил, чуть охмелел. Вышел на балкон с сигаретой. Закурил, с наслаждением затягиваясь, глянул вниз и... началось.

Чего это люди, прожив добрую дюжину лет, продолжают так бережно и трепетно друг к другу относиться, а?

Это была первая мысль, досадившая ему на трех первых затяжках.

Вот, к примеру, из соседнего подъезда супружеская пара, он точно знал, что живут они лет пятнадцать, может, чуть меньше. Когда бы муж ни вернулся с работы, жена ждала его возле подъезда и бегом почти мчалась ему навстречу. И за шею обнимала, и в щеку целовала. Мужа, видимо, не раздражало вовсе. Он и целовать себя позволял, и обнимать. Подхватывал жену под руку и, что-то оживленно рассказывая, увлекал ее к подъезду.

Может, ссоры и сцены и у них случались, как без этого, но ведь преодолевали они все неурядицы. Оставались выше, что ли. Не грязли в дрызгах, если уж скаламбурить.

А что у него, Невзорова, с Надькой?

Она же врала все время. Врала, жила деньги, сэкономила на жратве и мороженом для дочери. О каком поцелуе в щеку после работы могла идти речь?! О каком разговоре по душам, если у нее души и вовсе не наблюдалось!

Потом привлекла внимание другая пара. Девочка лет десяти с дедом. Они частенько вместе прогуливались. Дед жил в их доме, один. Внучку привозили родители. Привезут, положенное по семейному протоколу время у деда отбудут и уезжают, оставив дитя. При этом всем было ведь хорошо. И родителям, что на выходные обретали свободу. И девочке, которая в де-

де души не чаяла. И деду, который был счастлив избавиться от одиночества.

А что у него с Надькой?

Все время ездили только к ее маме. У его отца, который доживал век в деревне километрах в сорока от города, делать было нечего. Стирать кальсоны и вывозить старческий мусор из углов, как она любила повторять, ей не хотелось.

Невзоров всегда пытался возразить жене. У отца не было никакого мусора в углах. Тот регулярно сам делал уборку. И свои портки с рубахами тоже стирал. И к редким визитам сына с семьей готовился: готовил наваристые щи, картошку, доставал из погреба рыжики и капусту с брусникой. До пирогов не был мастером, но ведь и не досаждал никому тем, чтобы помощи просить. Лишь бы увидеться с ними и внучкой и все. Нет же! Надька вопила, ехать не желала, дочку на лето не отпускала...

Вторая мысль, больно кольнувшая Невзорова в тот момент, когда по двору прошел мужчина с тортом, была о том, что через день у дочери день рождения, а его даже не пригласили. Он позвонил пару дней назад и полчаса униженно напрашивался в гости, но Надька была непреклонной. Дочке надо привыкать к новой семье, к новому главе этой семьи, а настоящему отцу — то есть ему — делать за праздничным столом нечего. С психикой ребенка могло быть не все в порядке при таком положении вещей, считала Надька. Сука!

Ну и третьей мыслью, отравившей ему вечер пятницы, явилось странное и неожиданное открытие. Жизнь-то, оказывается, не так длинна, чтобы так вот бездумно ею разбрасываться: безмятежно прокуривать минуты, ни о ком не думать и наслаждаться одиночеством.

Это ведь неправильно! Невзорову даже холодно стало, невзирая на жаркий, душный вечер, от подобного открытия.

Одиночеством нельзя наслаждаться, вдруг подумал он. Его нужно гнать от себя. В него нельзя погружаться, как бы оно ни затягивало. Оно ведь засосет, поглотит и ничего после себя не оставит. Никакого следа или памяти...

Почему вот не пошел сегодня с ребятами в кафе, идиот? Сели бы за любимым столом в углу под аркой. Заказали бы по двести граммов водки, закуски, чего-нибудь горячего. Там голубцы подавали со сметаной — объедение просто. Выпили бы, поели бы, поговорили бы. Посмеялись, как без этого. Пацаны — они народ проверенный, они люди с пониманием, всегда знали, когда можно по больному беззлобной шуткой пройти, а когда нет. Почему не пошел?

А потому не пошел, сказал сам себе Невзоров, нервно растирая в пальцах сигарету, что им-то после вечеринки есть к кому возвращаться, а ему — нет! Тошно от глупой навязчивой зависти сделалось, вот и не пошел.

Колян Семенов уже год с девушкой встречался. Очень хорошая девушка. Валя любила его и принимала таким, как он есть. Без шикарной тачки и зарплаты, с заросшей, не выспавшейся после ночного дежурства физиономией, со зверским с похмелья аппетитом. Любила и прощала все, секрет-то прост.

У другого — Вальки Смирницкого — были жена и пара пацанов. Тут вообще все было как в учебнике про правильную семейную жизнь: тихо, мирно, с пониманием. Ни сцен, ни упреков, ни вранья и жлобства.

Саша Коновалов два года жил в гражданском браке со стюардессой. Любили друг друга на взлете, что на-

зывается. То есть редко виделись, ругаться было некогда, предавались страсти, и только.

Только он, Невзоров, был теперь один. Да когда и один не был, все равно помериться с ними своим счастьем не мог. Проиграл бы по всем показателям.

Потому и не пошел с ребятами в кафе. Они, пока сидели и выпивали, раз по десять своим женщинам могли позвонить и столько же от них звонков принять. Никто не нервничал по этому поводу, а только улыбался добродушно. А когда посиделки заканчивались, все тут же по домам устремлялись, зная, что их там точно ждут.

Его ни теперь, ни раньше никто не ждал. Никто, кроме дочери. Но это все равно не то. Нет, он рад бывал, конечно, когда она из своей комнаты выпрыгивала чертенком и на его шее повисала. Но женского тепла ему все равно очень не хватало. Хотелось этого всегда, теперь вот особенно.

Невзоров скомкал сигарету, так и не прикурив. Протянул руку к веревкам, натянутым над головой, потрепал пододеяльник. Тот, судя по всему, высох еще позавчера. В тот же день, когда он его повесил. Теперь уже не разгладить. Отпариватель в утюге перестал работать еще в прошлом году. Новый утюг Надька забрала, таким вот справедливым образом разделив нажитое ими имущество. Придется при глажке набирать в рот воды и брызгать на пододеяльник, чтобы хоть немного в божеский вид привести, не спать же на хрустящих складках.

Господи, о чем он думает? Офигеть можно! Как пододеяльник гладить, про какой-то дурацкий отпариватель. Разве ему — тридцатипятилетнему мужику, не старому еще вовсе, здоровому физически, устойчивому морально — о том думать надлежало? Нет бы

про женщин помечтать, про их пылкие чувства и сочные тела, а он про стирку, глажку, утюги какие-то. Совсем испортился. Закодировала его Надька ото всех баб года на два, ржали в прошлую пятницу ребята под «Парламентскую». Чтобы его от этой кодировки избавить, нужно будет... Кто ведь что тогда предлагал, ухохатываясь до судорог.

Он тоже смеялся, хотя весело ему совсем не было. Смеялся скорее за компанию, для разрядки обстановки, хотя некоторые из предложенных вариантов снятия с него заклятия откровенно коробили.

Ладно, он заведомо прощал ребят из своего отдела. Они не со зла, а по дружбе. Они ж не виноваты, что ему так с Надькой не повезло. Может, у него еще все и наладится. Может, и встретит он такую женщину, как Колькина девушка, как жена Вальки Смирницкого и как стюардесса Саши Коновалова. Может, все еще у него и получится в личной неустроенной жизни. Он подождет, торопиться не станет в выборе, лишь бы повезло. А пока...

А пока можно и пододеяльник погладить. Не ложиться же спиной на такие рубцы, оставленные при выжимании его сильными руками.

ГЛАВА 3

Юля лежала на левом боку и сквозь полуприкрытые ресницы наблюдала за лопастями вентилятора, что горбатился в углу. Пожелтевшим от возраста лопастям было совсем худо. Они еле-еле ворочались, не справляясь с душным воздухом побережья. Воздух был не просто густым, он был плотным, слежавшимся, пропитанным зноем, йодом и стрекотанием цикад. Юле казалось порой, что она ощущает на своем теле

его многослойную тяжесть, чувствует, как он забывает ее поры, и от этого ей совершенно невозможно было дышать.

К этой духоте еще примешивалось недовольство мужем. Оно было очень робким, это ее тайное недовольство, очень тихим и скромным, невидимым постороннему глазу. Степану она даже не намекала, что ей не нравится, к примеру, то место, куда он ее привез.

Крохотный поселок на берегу Черного моря?! Разве о таком отдыхе она мечтала?!

Узкие пыльные улочки, четыре продовольственных магазина на весь поселок. Два второсортных кафе и один ресторан.

Она и подумать не могла, что жить придется в частном секторе со сломавшимся прямо перед их приездом кондиционером, побеленными кое-как потолками и дощатым полом со щелями в палец.

— Милая, здесь невозможно найти ничего лучше, — скороговоркой объяснил Степан, заметив ее недоумение. — Нам же море нужно было, не так ли?

— Так, — осторожно согласилась Юля.

— Вот! — обрадовался ее покорному согласию муж. — А моря здесь от края и до края. И пляжи пустынные. Ты же так хотела отдохнуть от суеты, вот и отдыхай!

Юля очень хотела возразить ему и напомнить, что отдыхать она собиралась совсем не так. Конечно, толпа людей на морском берегу удовольствия и радости вызвать не могла, но...

Но это было все же предпочтительнее, чем купание в сомнительных местах. Эти места даже пляжем назвать было затруднительно. Просто берег. Берег, усыпанный мусором, корягами, проржавевшим железом. Юля подолгу всякий раз блуждала, чтобы отыскать

подходящее место для своего матраса. Нет, толпы людей, жарившихся на солнце, были бы все же предпочтительнее.

Но она снова деликатно промолчала. И когда вечером стирала в тазике свою и его футболки, забыв на время, что такое стиральная машина-автомат, тоже не роптала. И утром, готовя завтрак на летней кухне, старалась находить в этом особенную прелесть.

Ведь это же ничего, что солнце с восьми утра палит в затылок, так? Ничего.

И ничего, что у газовой плиты выстроилась очередь из пяти человек, а рабочих конфорок всего три, так ведь? Так.

Подгорела яичница на старой прокопченной сковородке? Да бог с ней. Степан съел молча и, кажется, ничего даже не заметил. И салат, заправленный прокисшей сметаной из местного супермаркета, тоже ему вроде понравился.

Обедать и ужинать вчера они решили в единственном на весь поселок ресторане. Но лучше бы этого не делали. Юлю потом всю ночь выедала изжога от мяса по-крестьянски.

Отдых не удался, одним словом. Но Степану она об этом ни-ни. Не могла она его расстраивать своими претензиями. Он же старался устроить для нее отдых. Выкрал время у бизнеса, а она станет ныть? И если честно, то...

...То поймать Степана для разговора оказалось не так уж просто. Он либо висел на телефоне, либо вызывался сбегать на рынок, оставляя ее одну в снятой на десять дней комнате. Либо бежал в магазин, либо...

Он все время был при делах, но не при ней. Вот и сегодня отправлял ее на пляж с соседкой по коридору,

водрузив себе на коленки ноутбук, а на переносицу очки в тонкой оправе.

— Немного поработаю, малыш, уж прости! Позвонили из офиса, срочно нужны кое-какие выкладки. Сходи с Тамарой. Мне кажется, что у вас сложились неплохие отношения.

Тамара была интересной женщиной средних лет, словоохотливой, с чудесным чувством юмора и опывшей фигурой. Она полезла со знакомством к Юле уже через десять минут после того, как они со Степаном заселились в свою комнату. И с тех пор уже не оставляла Юлю ни на минуту. Считая себя старожилом здешних мест — она ведь отдыхала здесь третий год подряд, — Тамара таскала Юлю по заповедным местам побережья.

— Отношения-то сложились, Степ, но мне хотелось бы побыть немного и с тобой. Третий день на отдыхе, а я тебя практически не вижу.

— Вот он я, смотри! — Он очаровательно улыбнулся, сдвинув очки на кончик носа. — Милая, а ведь могло быть все и намного хуже.

— Как?

Спросила просто, чтобы продлить время своего убийства. На самом деле она считала, что хуже уже быть не может. Худшего места, худших условий представить ей было сложно.

— Ты поехала бы одна, — дернул он плечами, опуская глаза в монитор. — Засыпала бы каждую ночь одна. Завтракала, обедала и ужинала тоже одна. А так... А так я чудом вырвался. Так что ты уж, малыш, не капризничай. Иди, иди, мне нужно поработать.

Засыпать и просыпаться одной Юле не хотелось. И тем более не хотелось каждое утро одной усаживаться за расшатанный, накрытый выцветшей клеен-

кой стол в летней кухне. Со стороны мужа и в самом деле этот не запланированный загодя отдых был жертвой, а она ропщет. Пусть негромко, пусть все больше про себя, но ропщет же. Нельзя так! Надо быть благодарной.

И она покорно поплелась за Тamarой, решившей сегодня во что бы то ни стало посетить самую дальнюю песчаную косу заброшенного десятилетия назад санатория.

— Может, такси возьмем? — робко предложила Юля, с замиранием сердца представляя полутораклометровый вояж с полной выкладкой: полотенца, матрас, бутылочка с водой и яблоки. — Далековато будет.

— Эй вы, молодежь! — Тамара хохотнула, шлепнув себя по жирным бокам. — Не хочешь такой вот быть к сорока годам? Нет? По глазам вижу, что нет! Тогда идем. В движении, милая, вся жизнь!

Этот поход Юля запомнила надолго.

На всю жизнь он ей запомнился, если уточнить, потому что именно после этого дня счастье ее вдруг оказалось перечеркнутым. Перечеркнутым, разбитым, расслоившимся. Ну, какие еще можно придумать эпитеты к тому, что случилось? Пожалуй, что и этого хватит за глаза.

А она-то, она!

Топала по узкой тропинке за толстой Тamarой. С раздражением слушала ее шумное дыхание. С тоской осматривала заросли южного кустарника, тянувшиеся вдоль побережья. Смахивала со лба пот и ошибочно полагала, что это и есть ее самая главная неприятность, случившаяся на отдыхе.

Оказалось, что нет. Но пока она об этом не знала и

даже не догадывалась. Пока она шла и думала только об одном: как это ее угораздило поддаться уговорам и пуститься в такое дальнее путешествие с тяжелой ношей на плече? Зачем она пошла на этот забытый богом и людьми пляж, если прямо возле дома, где они с мужем снимали комнату, имелась вполне приличная площадка для купания? К тому же они ее с Тамарой успели расчистить и облагородить горшками с цветами, любезно предложенными хозяйкой дома...

— Ну! Вот мы и пришли! — радостно оповестила Тамара, пыхтевшая последние десять минут пути сверх всякой меры. — Оцени, Юль! Скажи, великолепно?!

Юля выглянула из-за ее плеча, сделала пару шагов вперед по тропинке и тут же замерла с открытым ртом, не сумев справиться с изумлением.

А оно ведь того стоило, да! Стоило слушать пыхтение Тамары, потеть и надрываться, чтобы увидеть такое великолепие.

Крохотная песчаная бухта, некогда принадлежавшая санаторию, казалась совершенно необитаемой. Нигде ни единого следа присутствия человека. Пятачок сто на двадцать метров окружал давно одичавший, но все еще буйно цветущий розарий. Даже лежаки остались в нетронутном состоянии. Никто не растащил их на дрова. Юля тут же пожалела, что пришлось тащить так далеко надувной матрас, на котором обычно загорала.

— Ну, что скажешь?! — Тамара обернулась на нее с сияющими от удовольствия глазами. — Скажи, здорово тут?

— Здорово! — кивнула Юля, тут же швырнула на один из лежаков свою сумку, оттянувшую плечо, и на-

чала снимать с себя шорты. — Ни единой души вокруг! И чисто как! А что, про это место мало кто знает?

— Мало. — Тамара с треском потянула «молнию» на широченном сарафане. — Мало кто знает. Мало кому охота тащиться пешком в такую даль по жаре, таксисты ведь дерут нещадно. А мы с тобой молодцы! Мы с тобой не испугались. Давай теперь получать удовольствие.

Удовольствие и впрямь получилось. Юля даже на какое-то время забыла и про комнату с дощатым полом и убогим вентилятором, и про то, что сегодня вечером снова предстоит стирать белье в тазике, а ужинать, скорее всего, макаронами. Идти в местный ресторан она наотрез отказалась. Про все забыла. Купалась, загорала до сизых кругов в глазах, меняя поочередно лежаки. Ну, просто как та девочка из сказки, что прыгала из кровати в кровать, подыскивая подходящую. Грызла яблоки, уплетала тонкие пластинки сыра, запивая их красным домашним вином, предусмотрительно захваченным Тамарой. Болтали, над чем-то заразительно смеялись. Потом решили нарвать по букету роз, выбирая в зарослях только слегка раскрывшиеся бутоны.

День пролетел незаметно и оказался не таким уж плохим. Она ведь обо всем плохом забыла. И даже про то, что Степана нет рядом. О нем неожиданно напомнила Тамара. Напомнила, когда они уже шли обратно.

— Слушай, Юль, а кто такая Викуся? — спросила Тамара, приваливаясь спиной к огромному стволу дерева, и тут же принялась обмахиваться большим полотенцем, на котором загорала.

— Викуся?! — Юля тоже встала к стволу поближе, чтобы быть в тени не очень шикарной кроны. — Викуся... Гм-м, не знаю я никакой Викуси.

— И сестры, и племянницы, и подруги нет с таким именем? — продолжила допрос Тамара.

— У меня?!

— Ну, может, у тебя, может, у мужа твоего.

— Да нет же, говорю. Нет у нас с ним на двоих никаких Викусь.

Настроение, с таким трудом обретенное в крохотной бухте, обрамленной запущенными розовыми кустами, начало медленно таять. Сдулось, как воздушный шарик, сделавшись некрасивым и сморщенным. Тут же сделалось душно, жарко, начала донимать мошкара, сумка тянуть плечо. Захотелось побыстрее в дом, где остался Степан с распахнутым ноутбуком на коленках. А Тамара будто и не замечала перемены в ней, все приставала и приставала.

— Нет, ты постарайся вспомнить, Юль, может соседи есть с такими именами? Или, может, сотрудники?

— У кого сотрудники? Я дома работаю с детьми! И у меня нет Викусь. У меня Валерик, Сергей, Нина и Андрюша.

Юля уже начала сердиться на дотошную соседку. И чего прицепилась с этим женским именем?

— А у Степана? У него тоже нет таких сотрудниц? Может, секретарша там или бухгалтер?

— Секретаршу зовут Натали, — тут же оборвала ее Юля. — В бухгалтерии у них трудятся два мальчика — выпускники финансовой академии. И насколько мне известно, ни Викусь, ни Марусь у них в компании нет. А почему вы спрашиваете, Тамара? Как-то странно...

— Ничего странного в том не вижу, — тут же надула губы Тамара и полезла в свою плетеную сумку за сигаретами. — Мой интерес не странен, дорогуша. Станным мне кажется то, что твой любезный Степан

постоянно на отдыхе оставляет тебя одну, а сам без конца треплется по телефону с какой-то Викусей. Это тебе как?!

Это было гадко! Юлю даже передернуло.

Это было гадко, и это не могло быть правдой! Чтобы Степка... Чтобы ее Степка трепался без конца по телефону с какой-то посторонней женщиной, в то время как его жена в одиночестве мнет бока на деревянных лежаках на сомнительном пляже! Это неправда!

— Еще какая правда, — фыркнула Тамара, тут же подавившись глубокой затяжкой. — Сама слышала. Ну и... Честно признаться, уже начала его караулить. Как увижу, что он с телефоном из комнаты на улицу, я за ним следом шасть. Спрячусь за углом и...

— Вы подслушивали?! Как вам не стыдно!

Гадливость тут же перекрылась неприязнью к посторонней дотошной тетке, которая, оказывается, развлекает себя на отдыхе тем, что следит за соседями и подслушивает их телефонные разговоры.

— Ну и подслушивала, и что! — Тамара с вызовом подняла тройной подбородок. — А чего он! Говорит, что работает, с тобой на пляж не ходит, а сам с любовницей весь телефон расплавил!

— Какой любовницей!!! Что вы мелете?! — Юля непотребно повысила голос, хотя не позволяла себе этого прежде никогда ни со знакомыми, ни с незнакомыми людьми. — Мой Степан!.. Он никогда себе не позволит! Он такой...

— Какой твой Степан? — Тамара глянула на нее, как на ископаемое, успев фыркнуть. — Ну, какой он, какой? Из другого теста, что ли?

— Из другого! И не смейте так говорить о моем муже!

— Как?

— Гадко и неправильно!